

Ананьева Е.П.

НОМО AGONALIS: ОТ АГОНА К АГОНАЛЬНОСТИ[©]

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, erapaneva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения границ агона как типа состязания. Несмотря на возобновление исследовательского интереса к агональности в сферах философии, культурологии и лингвистики, под «агоном» часто понимают войну, игру или состязание в широком смысле, что неизбежно приводит к сосуществованию множества трактовок агона и агональности как черты, присущей участникам такого состязания. Для выявления имманентных характеристик агона в статье описывается историческая динамика понятия «агон» и его производных: «агонии», «агонистики» и «агональности», рассматриваются черты, присущие агональному обществу и поднимается вопрос об уместности использования понятия «агональный инстинкт». Основное внимание обращается на характеристики агона в контексте асимметричности понятий: «война», «игра», «состязание» и «агон». Проведенный анализ указывает на то, что имманентные характеристики агонального соревнования включают наличие 1) противоборствующих сторон и публики (массового адресата), 2) цели состязания, заключающейся прежде всего в одержании победы, а не получении материальных благ, 3) условного характера состязания, предполагающего подчинение нормам и правилам, 4) серьезного характера состязания, сопровождающегося напряжением и неопределенностью исхода состязания, 5) культурального характера состязания, 6) честных методов достижения победы в состязании.

Ключевые слова: агон; агональность; война; игра; состязание.

Получена: 04.02.2025

Принята к печати: 10.07.2025

Ananueva E.P.

Homo Agonalis: from agon to agonality[©]

National Research University “Higher School of Economics”,
Russia, Moscow, epananeva@mail.ru

Abstract. This paper explores the problem of defining the boundaries of the term “agon” as a type of competition. There has been a revived interest in agonality, giving rise to voluminous research, especially in philosophy, cultural studies and linguistics where agon is often viewed as a battle, game, war or competition in a broader sense. Therefore, no consensus has been reached concerning what agon entails. The aim of this paper is to shed light on the intrinsic characteristics of the agonal competition. To achieve this aim, the paper focuses on the origins of the term “agon” and its derivatives: “agony”, “agonistics”, and “agonality”; it delves into the peculiarities of an agonal society and posits that “agonal instinct” can only be used in a metaphorical sense. The asymmetry between the terms: “agon”, “war”, “game”, and “competition” is widely discussed. The conducted research showcased that the immanent features of the agonal competition include 1) the presence of opposing parties and the audience; 2) the primary aim being to win through exhibiting one’s excellence rather than obtain any material benefits, 3) adherence to the rules, 4) serious character of the competition that is linked to uncertainty of its outcome and increased tension, 5) cultural nature of the competition, 6) winning by fair means.

Keywords: agon; agonality; war; game; competition.

Received: 04.02.2025

Accepted: 10.07.2025

Введение

Возобновление исследовательского интереса к агональности преимущественно связано с антропоцентрической направленностью науки. Обращение к истокам агональности, уходящим корнями в историю греческой цивилизации, обусловлено неугасающим интересом научного сообщества к изучению природы человека. Субъективистско-антропологическая тенденция в философии,ложенная Сократом и его учениками, ознаменовала переход философской рефлексии от проблем фюсиса (природы) и космоса к проблеме человека как субъекта социальных отношений. Вслед за Протагором, мы считаем, что «человек есть мера всех вещей» [Платон, 1936, с. 32], а значит, исследование вербализации агональности позволит изучить язык как меру отражения объективной

действительности, проливая свет на предпосылки и особенности агонального речевого поведения.

Агональность обладает междисциплинарным характером прежде всего потому, что затрагивает различные сферы человеческой деятельности: ее рассматривают как отдельный социокультурный феномен (Я. Буркхардт, А.И. Зайцев, Г.В. Драч, А.В. Яровой), как элемент игры (Й. Хейзинга, Э. Финк), как дискурсивное явление: в деловом дискурсе (А.В. Сидоренко), в академическом дискурсе (Е.В. Соловьянова), в телевизионном дискурсе (В.В. Дешевова), в политическом дискурсе (Е.П. Ананьева, Н.Н. Василькова). Несмотря на наличие научных трудов, посвященных проблеме определения понятия агональности и его структуры, в научном обществе до сих пор не достигнут консенсус относительно границ агональности, ее сущностных характеристик, типологии и способов экспликации состязательности на языковом уровне.

Актуальность исследования агональности как лингвистического явления обоснована необходимостью выработать систематический подход к исследованию агонального речевого поведения как элемента языковой действительности и лингвокультуры в условиях отсутствия его системного описания в отечественном и мировом языкознании.

Процесс описания агональности как лингвистического явления осложняется тем, что она попадает в семантическое поле игры, борьбы, войны, соревнования, конфронтации, агрессии, эристики, а иногда используется как синоним состязательности в широком понимании, что неизбежно приводит к сосуществованию различных подходов к интерпретации как агональности, так и смежных понятий. Для обеспечения более глубокого понимания содержания понятия «агональность» необходимо обратиться к особенностям исторической динамики понятия «агон» как особого вида соревнования в Древней Греции. Такой подход позволит более точно очертить границы агонального речевого поведения.

Методологическая база исследования включает систему методов, а именно: метод деконструкции для разграничения понятий «борьба», «игра», «агональность», «состязательность», диахронический метод для изучения этимологии понятий «агон», «агония» и «агональность» и описательно-аналитический метод.

Агон и его производные: агония, агонистика и агональность

Изучение исторической динамики понятия «агон» и агональности как его производной позволит вернуться к истокам понятия и выявить его сущностные аспекты значения.

Агон

Существительное *ἀγών* восходит к древнегреческому глаголу *ἀγείρω* (PIE **h₂eǵer-*,ср. Lat. *grego*, Skt. *gaṇ*), первоначальное значение которого «собирать». По другой версии, происхождение слова может быть связано с глаголом *ἄγω* (PIE **h₂eǵ-*, ср. Lat. *ago*, Skr. *aj*), означающим «вести, гнать скот». Оксфордский латинский словарь приводит 43 значения глагола *ago*, первым из которых является «гнать (скот и т.д.)» (*to drive (cattle, etc.)*) [Glare, 2016, p. 97]. Как объясняет мотивацию лексемы *ἀγών* С.А. Ромашко, жизнь и деятельность скотовода послужили своеобразной моделью различных видов человеческой деятельности для индоевропейцев и ранних греков, в качестве примера автор приводит эпитет Агамемнона у Гомера: «пастух людей» – *ποιμὴν λαῶν* (Л. 2.243), который «гонит» (направляет) своих воинов [Ромашко, 2006, с. 87].

Первое значение лексемы *ἀγών* было «по-видимому, собрание» замечает Й. Хёйзинга в труде *«Homo ludens»* об игровом элементе культуры [Хёйзинга, 2011, с. 324], а С.А. Ромашко впоследствии отмечает, что «толпа собранных («согнанных») затем стала обозначать определенную разновидность толпы: зрителей, собравшихся смотреть публичные состязания-игры», позднее агон использовался для обозначения разновидных игр-состязаний: *ἀγών* *γυμνικός* (гимнастические состязания), *ἀγών* *μουσικός* (музыческие состязания), что впоследствии привело к обобщению семантики состязания (*ἀγών* как состязание / борьба и судебная тяжба как вид противоборства в форме словесных дебатов и спора, в частности) [Ромашко, 2006, с. 87]. Данная этимологическая цепочка вполне согласуется со значениями агона (*ἀγών*), которые даются в Греко-английском лексиконе Г.Дж. Лиделла, Р. Скотта и Г.С. Джонса: 1) *gathering, assembly* (с англ. сбор, собрание) и 2) *assembly of the Greeks at the national games* (с англ. собрание греков на национальных играх) и 3) generally, *struggle* (с англ. борьба в широком смысле) [Liddell, Scott, Jones, 1996, p. 168]. Агоном, обозначавшим «состязание

(борьбу) во время религиозных и политических празднований», позднее начали обозначать словесный спор в аттической комедии, который М.А. Хоконов называет «риторической махией» (сражением) между персонажами, а затем актерами [Хоконов, 2017, с. 20]. Не только в риторике, но и в философии агон получает широкое распространение. Рассуждая о культурном перевороте в Древней Греции, А.И. Зайцев подчеркивает, что «форму агона получает формирующийся в классическую эпоху философский диалог» [Зайцев, 2000, с. 163].

Агон и агония

С точки зрения исторической динамики понятие «агон» и производное от него понятие «агония» оказывали влияние на значения друг друга и некоторое время использовались взаимозаменяющими.

Агония претерпела ряд семантических перевоплощений. В статье «Смертельные игры: агон и агония», к которой мы обращались ранее, С.А. Ромашко прослеживает динамику развития понятия от агона к агонии: «гнать, погонять → направлять движение → собирать в толпу → собранная толпа зрителей → зрелище, соревнования-игры → соревнование, борьба → борьба, напряжение, стресс → борьба с опасностью, угроза жизни → борьба за жизнь, предсмертное состояние живого существа → последние (конвульсивные) проявления чего-то, завершающая (уродливая фаза) существования чего-либо» [Ромашко, 2006, с. 95].

Агония, изначально вошедшая в употребление как медицинский термин для обозначения борьбы организма со смертью, утрачивает статус профессионализма в ходе семантических преобразований. Поворотным моментом для популяризации «агонии» стало использование этого слова в евангельских текстах для описания состояния человека (в данном случае, Иисуса), борющегося со страхом смерти, вошедшего в европейскую теологию как *agonia Domini* (агония Господа). Далее переносное значение понятия «агония» закрепилось и стало использоваться для выражения «патологического состояния».

Возвращаясь к понятию «агон», мы склонны считать, что последнее звено данного понятия – это «соревнование-борьба», несмотря на наличие случаев употребления агона в библейских текстах и патристической литературе в контексте борьбы со смертью. Агония же, являясь производной лексемой от агона, но не имеющей

связи со сбором толпы, семантически делит с ним лишь одно звено: «соревнование-борьба» («борьба, состязание, гимнастика») является первым ее значением, по С.А. Ромашко), что объясняет тот факт, что агон и агония некоторое время использовались взаимозаменяющими, например в текстах Пиндара и Платона. О напряжении как сопутствующем элементе агона и подготовки к нему говорил и Зайцев, отмечая, что это обстоятельство часто использовали критики греческой агонистики [Зайцев, 2000, с. 131].

Из представленной выше исторической динамики понятия «агон» можно сделать вывод, что наличие толпы (массового адресата, адресата-наблюдателя, зрителя) для просмотра состязания / зрелища являлось семантически связанным с соревнованием условием. Как зрелище немыслимо без толпы, так и агональная ситуация невозможна без столкновения интересов и мировоззрений оппонентов перед лицом публики. Как справедливо отмечает А.В. Яровой, размышляя о греческом агоне: «...зритель агона – это уже участник агона», поскольку зритель и участник меняются местами «в порыве стремления к первенству» [Яровой, 2012, с. 24], что не только говорит о важности наличия зрителя, но и о его активной роли в состязании.

Агонистика

Размышляя об эволюции агонального в культуре, авторы монографии «Человек в социокультурном измерении» подчеркивают, что «состязание в античности обретало не только нормы поведения, но и правила, ведущие к победе» [Глушко, 2022, с. 67], которые называют агонистикой (от греч. *agōnistikós* – способный к борьбе), то есть «искусством, мастерством, которое позволяло агонисту в совершенстве владеть телом и оружием» [Глушко, 2022, с. 75]. Знание этих правил составляло основу греческих школ воспитания. Подобно Платону, называющему красноречие искусством и средством состязания [Платон, 1990, с. 480], к агонистике причисляют и другие умения: «...искусство агониста или агонистика связана и с умением красноречиво говорить, и с умением строить войска, а также с умением одолеть противника лично, превзойти его по всем параметрам» [Глушко, 2022, с. 68].

Подчеркивая созидательную роль агонистики как инструмента формирования пространства государственной жизни (образ гражданина, гражданские права и институты в греческом обществе),

Г.В. Драч отмечает, что «человек агоальный» непременно должен был руководствоваться принципами справедливости [Драч, 2022, с. 18]. Такой подход распространялся и на проведение агонов, участники которых должны были неукоснительно следовать правилам состязания, в противном случае они сталкивались с общественным порицанием и были вынуждены оплатить денежный штраф [Рекутина, 2014, с. 82].

Агоальное общество

Считается, что термин «агон» был впервые использован немецким историком Якобом Буркхардтом в значении «агональность» [Хоконов, 2017, с. 20]. Я. Буркхардт описывает грека архаической эпохи как «агонального человека» и считает, что агоальность – исключительно греческая черта. Я. Буркхардт ввел понятие *das Agonale* (досл. «агональное»), называя его одной из движущих сил, неизвестной никакому другому народу (кроме греков): «*eine (zweite) Triebkraft, die kein anderes Volk kennt*» и уточняя, что в этом отношении греки уникальны: «*in dieser Beziehung stehen die Griechen einzig da*» [Burckhardt, 1902]. Я. Буркхардт объяснял это тем, что греки пользовались большими правами и свободами нежели другие народы, дополняя, что иерархия и, отчасти, невысокий уровень желания соревноваться в присутствии более низких каст, полностью подавляют агоальное: «*Rangordnung, teils die geringe Wünschbarkeit, sich in Gegenwart der geringern Kasten zu messen, das Agonale völlig zurückdrängen*» [Ibid.].

Тем не менее рассмотрение агоальности как исключительно греческого явления вскоре было переосмыслено. Эренберг поначалу разделял точку зрения Буркхардта, что агоальность носит сугубо греческий характер, но впоследствии назвал агоальность общечеловеческим свойством, не признавая за ним исторической ценности [Хёйзинга, 2011, с. 68].

А.И. Зайцев подчеркивал, что агоальность потенциально присутствует в каждом обществе, но в разной степени интенсивности, приводя Америку XVIII–XIX вв. как яркий пример соревновательного общества, где конкуренция и борьба за успех являются общепринятой нормой поведения. Он отдельно подчеркивал, что «в агоальном обществе каждое значительное достижение вызывает желание превзойти его, в то время как вопрос о пользе, которую могло бы принести обществу это или любое другое достижение,

вовсе не ставится» [Зайцев, 2000, с. 280], что подтверждает тезис о том, что драйвером агонального поведения не является получение непосредственных выгод.

Об особой роли агональности свидетельствует и то, что развитие общества связывают с наличием в нем агонального начала, называя агональность двигателем общественного прогресса. Если Й. Хёйзинга в демонстрации агонального поведения видит формирующий и облагораживающий для культуры фактор [Хёйзинга, 2011, с. 149–150], то А.И. Зайцев связывает угасание «греческого чуда» с тем, что, общество (греков) перестало быть агональным и «люди потеряли веру в собственные силы» [Зайцев, 2000, с. 287].

Таким образом, агональность как социокультурная характеристика не принадлежит какому-либо определенному этносу, а носит общечеловеческий характер. В стремлении к утверждению превосходства как потребности участников агона видят драйвер развития агонального общества.

Агональный инстинкт

Авторство определения «агональный инстинкт» для обозначения «врожденного стремления быть первым» принадлежит Й. Хёйзинге, который рассматривает агональность в пространстве игры. Он пишет: «...в агональном инстинкте вовсе не в первую очередь мы имеем дело с жаждой власти или волей к господству. Первичным здесь является страстное желание превзойти других, быть первым и в качестве такового удостоиться почестей. Вопрос, расширит ли конкретное лицо или группа лиц свою материальную власть, отходит здесь на второй план. Главное – победить» [Хёйзинга, 2011, с. 86]. Стремление к победе в состязании, а значит к получению славы связано с тем, что для участника агона «остаться без награды, добытой в бою, было не только постыдно, но и означало оказаться вне общества, утратить авторитет и признание» [Драч, 2022, с. 20].

Причина, по которой Хёйзинга называет врожденный внутренний мотивационный источник поведения человека инстинктом, скорее связана с динамикой развития понятия «инстинкт» с обще-психологической точки зрения, чем с использованием его в переносном смысле, как предположил Плетников [Плетников, 2017]. Понятие врожденного инстинкта подверглось критике в силу трудности представления доказательств его врожденного характера

и неоднозначности формулировки: имеется ли в виду врожденная потребность или врожденные формы поведения, направленные на удовлетворение потребностей. Благодаря вкладу Д. Мюррея и А. Маслоу, для описания мотивации человека вместо «инстинкта» теперь используется «потребность» [Леонтьев, 2019, с. 61], поэтому, размышляя о мотивации участников агонального состязания, мы скорее будем говорить об их потребности реализовать соревновательный потенциал или прибегать к понятию «агональный инстинкт» в его переносном значении.

Асимметричность понятий «агон», «состязание», «игра» и «война»

Агон и война

Война выступает наиболее явным проявлением соперничества и борьбы между народами и государствами за власть и ресурсы как возможность доминирования [Волков, 2017]. Наличие двух противоборствующих сторон, вступающих в схватку, – необходимое условие для войны как вида борьбы и для агона, однако их основное отличие проистекает из методов, которыми руководствуются стороны для одержания победы.

Вслед за Й. Хёйзингой мы считаем, что «засады, нападения, разбойничьи набеги, поголовная бойня», часто использующиеся в различных формах борьбы и в современной войне, в частности, не могут считаться агональными формами борьбы, поскольку порабощение и господство над другим народом не всегда подразумевает честное сражение [Хёйзинга, 2011, с. 43]. Например, использование арбалета для поражения противника или огнестрельного оружия как методы одержания победы были недопустимы для агона, под которым понимали «борьбу, честное соревнование ради общественного признания, испытания доблести и силы, ради достижения красоты, меры и гармонии» [Колесова, 2020].

Имманентно война не является агональностью [Плетников, 2017], но агональной она может быть только, если противника пытаются не уничтожить любыми средствами, а победить в рамках условностей и установленных правил, продемонстрировав свое превосходство. Как и борьба, агон требует наличия противоборствующих сторон, готовых вступить в честный поединок для определения наиболее доблестного участника. С другой стороны, если

участники агона добровольно вступают в поединок, то в военной ситуации данное условие стоит под вопросом.

Агон и игра

Первыми систематизированными исследованиями игр являются работы Й. Хёйзинги «*Homo ludens*» (1939) и Р. Кайуа «*Игры и люди*» (1958), в которых агон рассматривается в пространстве игры, но за ним признаются отличительные черты.

Хёйзинга и Кайуа считают, что игровая деятельность имеет ряд характерных черт: свободу (добровольный характер участия в игре), обособленность (наличие пространственно-временных ограничений), регулярность (подчинение конвенциям и правилам игры), отсутствие материального интереса (мотивация лежит вне сферы утилитарных выгод), неопределенность (отсутствие предрешенности исхода игры), а следовательно, и сопутствующее напряжение. Кайуа дополнительно выделяет непроизводительность (в ходе перераспределения ресурсов между игроками не создаются новые) и фиктивность (осознание ирреальности происходящего, то есть разведение реального и игрового) [Кайуа, 2007, с. 49].

Кайуа рассматривает агон как состязательную игру (*agon*), выделяемую наряду со случайной (*alea*), симулятивной (*mimicry*) и головокружительной (*ilinx*) игрой. Именно агон, отмечает автор, есть «чистая форма личной заслуги и служит ее проявлению», поскольку участники агона рассчитывают «лишь на собственные ресурсы», применяемые «честно и в установленных пределах», что обеспечивает «точную и неоспоримую оценку одержанной победы». Отдельно он отмечает важность создания идеальных условий для равенства сторон, приводя в пример использование форы как для спортивных, так и для умственных соревнований [там же]. Из этого мы можем заключить, что для участников агона характерен индивидуализм, то есть участники агона не полагаются на случайность, вероятность (как, например, в азартных играх), а рассматривают личный вклад и продемонстрированные способности в состязании как ключ к одержанию победы, обнаруживая причинно-следственную связь: чем лучше себя показывает участник, тем вероятнее его победа.

Одним из основных отличий агона от игры является то, что игра имеет бесцельный характер, в то время как агон направлен на победу как способ реализации потребности к самоутверждению. В античности большинство состязаний имели характер развлечения

или игры, то есть состязание можно считать в определенной степени бесцельным занятием. Э. Финк считает, что смысл игры заключается в самой игре: «...игра – не средство, не орудие, не повод для выражения смысла. Она сама есть собственный смысл» [Финк, 1988, с. 383]. Агоном же называлось лишь то состязание, в рамках которого участники получали общественную славу и/или награду за проявление доблести или превосходства над противниками в честном бою, что стимулировало их потребность участия в состязании, желание быть первым, а значит лучшим. В данной ситуации у участников состязания была цель, поэтому их деятельность нельзя отнести к бесцельной забаве или игре. Й. Хёйзинга также отмечал, что «несерьезное» и «игровое» отступают на задний план в случае с агоном, однако не считал, что серьезность отрицает игровой характер агона [Хёйзинга, 2011].

Другое отличие отчасти вытекает из предыдущего: «серьезность» агона, наличие цели, заключающейся в установлении превосходства над оппонентом, и получение славы и/или награды в результате ее достижения указывает на отсутствие у агона фиктивного характера, присущего игре.

Немаловажным отличием является и то, что жанр игры не подразумевает обязательного столкновения двух игроков или команд, то есть наличия соперников, поэтому в такой ситуации агональный характер соревнования проявлен быть не может. К таким играм мы можем отнести решение головоломок, раскладывание пасьянса или индивидуальные ролевые игры (например, игра в капитана корабля).

И, наконец, важность наличия зрителя, публики перед которой участники агона состязаются для получения общественного признания и славы. Если для ряда игр достаточно двух участников, а иногда и одного, то в агоне «зритель и участник являли собой потенциальное целое» [Яровой, 2012, с. 24].

Следовательно, игра и агон обладают свободным, обособленным, регулярным и материально независимым характером, оба вида деятельности сопровождаются напряжением и имеют неочевидный исход. Однако в агоне более чем в любой другой игре подчеркивается индивидуальный характер участников, всецело связанных результатом состязания с продемонстрированными способностями. Участники агона преследуют цель утверждения собственного превосходства, чтобы удостоиться славы и других почестей, в то время как игры имеют бесцельный характер. Наличие

конкретных результатов победы говорит о связи агона с действительностью, нефиктивном характере. Для него важно наличие не только соперников, но и публики, перед которой участники будут состязаться – этим агон также отличается от игры.

Агон и состязание

Является ли любое состязание агоном? Отнюдь. В.В. Плетников под агоном понимает высший тип состязания и объясняет: любой агон является состязанием, но не каждое состязание будет считаться агоном. Особое положение агона связано с тем, что он не носит развлекательного характера, являясь «элементом духовной культуры, имеющей смысл и реализующей экзистенцию как подлинное бытие», что в религиозном обществе могло быть достигнуто только в соревновании религиозного характера [Плетников, 2017, с. 119]. Агон автором рассматривается как культуральная форма состязаний и противоборств, имеющая связь с духовной парадигмой общества, включая не только массовые, но и элитарные формы.

Культуральный характер отличает агон от состязания. Соответственно, агональность и состязательность также находятся в асимметричных отношениях, где агональность – всегда состязательность, но не каждое проявление состязательности носит агональный характер. В отличие от Е.И. Шейгал, включающей в агональные формы бытовой скандал [Шейгал, 2009, с. 147], мы склонны не признавать за ним агональную форму, так как он не носит культурального, социально значимого характера.

Ранее были приведены источники, авторы которых единогласно признавали за агоном статус честного состязания, строго регламентированного сводом правил, поэтому небезинтересно для задач данного исследования будет отметить, что Е.Н. Ищенко, например, говорит о смысловой амбивалентности понятия «агон». Автор пишет, что агон используется как для обозначения честного состязания, так и такого, где победа достигается любой ценой. Борьба без правил, нацеленная на «полное подавление и уничтожение» оппонента как в буквальном – физическом, так и переносном смысле – путем «морального подавления» (оппонента) перед публикой [Ищенко, 2020, с. 333] не является агоном в узком понимании термина в первую очередь потому, что концепция борьбы без правил противоречит условному характеру агона, регламентирующему

ход состязания. В представленной интерпретации мы видим «искажение агона», если будем следовать понятийному аппарату Кайуа.

Неслучайно мы говорим об узком понимании агона, потому что корни амбивалентности понятия скорее всего проистекают из рассмотрения агона как состязания и агональности как состязательности в широком смысле. Разумеется, в таком случае состязательное поведение может принимать экстремальные формы, теряя ряд своих сущностных черт и попадая в пространство конфликта, агрессии, войны. Вклад в популяризацию понятия «агональность» в широком смысле, то есть как состязательности, был внесен Е.И. Шейгал и В.В. Дешевовой, разработавшими классификацию дискурсивной агональности. Авторы выделяют три типа агональности на основе критерия интенциональности: конфронтативную (прототип «борьба-война с целью физического устранения оппонента»), дискуссионную (спор) и игровую агональность (игра-состязание) [Шейгал, 2009, с. 137]. В силу отсутствия четкого разграничения борьбы, войны, игры и агона в статье «Агональность в коммуникации: структура понятия» ряд ученых начал рассматривать агон как синоним борьбы без правил, опираясь на формулировку «физическое устранение оппонента», фигурирующую в описании конфронтативной агональности. Например, И.Г. Тамразова рассматривает агональность в пространстве эристики, направленной на нарушение норм логического суждения и речевого поведения с целью одержания победы [Тамразова, 2021], где эристическая диалектика является искусством вести споры таким образом, чтобы всегда оставаться правым (*per fas et nefas*) [Шопенгауэр, 1900], что противоречит концепции агона как честного состязания, победа в котором есть результат интеллектуального или физического превосходства, а не умелого использования логических уловок.

Заключение

Проведенный анализ указывает на то, что понятия «война», «игра», «состязание» и «агон» находятся в асимметричных отношениях, и позволяет выделить следующие имманентные характеристики агона: 1) наличие противоборствующих сторон добровольно принимающих участие в состязании, 2) цели состязания, заключающиеся прежде всего в одержании победы, а не получении утилитарных благ, 3) условный характер состязания, предполагающий подчинение нормам и правилам, включающим пространственно-

временные ограничения, 4) честные методы достижения победы в состязании, в котором участники видят прямую корреляцию между продемонстрированными умениями и исходом состязания, 5) серьезный характер состязания, сопровождающегося напряжением и неопределенностью исхода, 6) культуральный, социально значимый характер, 7) публика, одобрения которой участники агона добиваются.

Понимание природы агона позволяет нам более четко очертить границы агонального поведения, принимая во внимание вышеописанные характеристики. Так, в узком понимании термина, агональность может быть проявлена только в честном состязании в присутствии публики (массового адресата), в отличие от более общего понимания термина, где агональность используется как синоним состязательности в широком смысле и может допускать нарушение правил.

Список литературы

- Ананьева Е.П., Гумовская Г.Н. Репрезентация агональных конфронтативных высказываний в политическом институциональном дискурсе (на материале трилогии Майкла Доббса «Карточный домик»). // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 22(2). – С. 16–29.
- Василькова Н.Н. Реализация агональных стратегий в публичных спорах политического дискурса // Медиаскоп. – 2018. – Вып. 1. – URL: <http://www.mediascope.ru/2413>
- Волков В.В. Лингвокультурный концепт «Война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2017. – № 1. – С. 103–113.
- Глушко И.В., Зуева Т.М., Крылова М.Н. и др. Человек в социокультурном измерении : монография. – Зерноград : Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВО Донской ГАУ, 2022. – 222 с.
- Дешевова В.В. Агональность в телевизионном дискурсе: на материале современных российских телешоу : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2010. – 20 с.
- Драч Г.В. Агональность – определяющий фактор цивилизационного развития Запада // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 1. – С. 17–26.
- Драч Г.В. Агонистика и “человек агональный” в культуре Древней Греции // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, Вып. 2, № 48–49. – С. 80–93.
- Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. / под ред. Л.Я. Жмудя. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 320 с.
- Ищенко Е.Н. Специфика философского подхода к пониманию конфликта: история и современность // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2020. – № 4. – С. 332–337.
- Кайуа Р. Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры / пер. с франц. С.Н. Зенкина. – Москва : ОГИ, 2007. – 304 с.
- Колесова Л.А. Агональные времена // Сайт С.П. Курдюмова. – URL: <https://spkurdyumov.ru/networks/agonalnye-vremena/> (дата обращения 23.04.2022).

- Культурология. ХХ век. Энциклопедия : в 2 т. / под ред. С.Я. Левит. – Санкт-Петербург : Университетская книга ; ООО “Алтейя”, 1998. – Т. 2. – 370 с.
- Леонтьев Д.А., Федорович Е.Ю. Миф об инстинкте // Человек. – 2019. – Т. 30, № 4. – С. 53–71.
- Платон. Горгий / пер. с древнегреч. С.П. Маркиша // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 477–574.
- Платон. Теэтет / пер. с древнегреч. и прим. В. Сережникова. – Москва ; Ленинград : Соцэкиз, 1936. – 191 с.
- Плетников В.В. Агональность как тип состязательности: характеристика и существенные черты // Социум и власть. – 2017. – № 4(66). – С. 114–121.
- Разинов Ю.А., Кечаев Д.А. Игра и труд: проблема границы и перехода // Mixtura verborum 2021: границы человеческого и современность. – Самара, 2021. – С. 20–45.
- Рекутина Н.В. История Олимпийского спорта: агонистика в эпоху эллинизма // Наука и спорт: современные тенденции. – 2014. – № 1(2). – С. 77–90.
- Ромашко С.А. Смертельные игры: агон и агония // Логический анализ языка: Концептуальные поля игры / под ред. Н.Д. Арутюновой. – Москва : Индрик, 2006. – С. 86–97.
- Сидоренко А.В. Реализация агональности в современном англоязычном деловом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 150–157.
- Сидоренко А.В. Способы презентации соперничества в современном англоязычном деловом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 75–81.
- Соловьянова Е.В. Агональность в академическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2020. – 24 с.
- Тамразова И.Г. Эристика как когнитивно-семиотическая модель девиантной дискурсивной риторики : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. / Московский политехнический университет. – Москва, 2021. – 45 с.
- Финк Э. Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. А. Гараджи // Проблема человека в западной философии : переводы / под. ред. Ю.Н. Попова. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 357–403.
- Хёйзинга Й. *Homo Ludens. Человек играющий* / пер. с нид. Д.В. Сильвестрова. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
- Хоконов М.А., Соблирова З.Х., Журтова А.А. Агональность как универсалий социокультурных систем (культурфилософский анализ) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3(195). – С. 19–27.
- Шейгал Е.И., Дешевкова В.В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 34(172). – С. 145–148.
- Шопенгауэр А. Эристика, или Искусство побеждать в спорах / пер. с нем. Н.Л. д'Андре. – Санкт-Петербург : Ф.И. Митюрников, 1900. – 70 с.
- Яровой А.В. Социокультурные проекции агональности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов н/Д, 2012. – 42 с.

- Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte: in 4 vol. Vol. 4. / Berlin : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. – 630 S.
- Glare P.G.W. The Oxford Latin Dictionary, Second Edition. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 2344 p.
- Liddell H.G., Scott R.A., Jones H.S. A Greek-English Lexicon, Ninth Edition with a Revised Supplement. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2362 p.

References

- Anan'eva, E.P., Gumovskaya, G.N. (2024). Reprezentatsiya agonalnykh konfrontatsionnykh vyskazyvanij v politicheskem institutsional'nom diskurse (na materiale trilogii Majkla Dobbsa "Kartochnyj domik") [Representation of agonal confrontational statements in political institutional discourse (based on the Michael Dobbs trilogy "House of Cards")]. *Zhurnal NSU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 22(2), 16–29. doi:10.25205/1818-7935-2024-22-2-16-29
- Burckhardt, J. (2014). *Griechische Kulturgeschichte* (Vol. 4). Berlin: CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Deshevova, V.V. (2010). *Agonalnost' v televizionnom diskurse: Na materiale sovremennykh rossijskikh teleshou* [Agonality in television discourse: Based on modern Russian TV shows]. (Abstract of the candidate dissertation). Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russia.
- Drach, G.V. (2009). Agonistika i "chelovek agonalnyj" v kulture Drevnej Gretsii [Agonistics and the "agonal man" in Ancient Greek culture]. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo*, 11(2), 80–93.
- Drach, G.V. (2022). Agonalnost' – opredelyayushchij faktor tsivilizatsionnogo razvitiya Zapada [Agonality – a defining factor of Western civilization development]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 1, 17–26. doi:10.18522/2072-0181-2022-109-16-26
- Fink, E. (1988). Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya [Basic phenomena of human existence]. In P.S. Gurevich & Yu.N. Popov (Eds.), *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: Perevody* (pp. 357–403). Moscow: Progress.
- Glare, P.G.W. (2016). *The Oxford Latin Dictionary* (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press.
- Glushko, I.V., Zueva, T.M., Krylov, M.N., Lavrukhina, I.M., & Yarovoy, A.V. (2022). *Chelovek v sotsiokul'turnom izmerenii* [The human being in the sociocultural dimension]. Zernograd: Azovo-Chernomorsk Engineering Institute of Don State Agrarian University.
- Huizinga, J. (2011). *Homo Ludens* [Homo Ludens]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh's Publishing House.
- Ishchenko, E.N. (2020). Spetsifika filosofskogo podkhoda k ponimaniyu konflikta: istorija i sovremennost' [Specificity of the philosophical approach to understanding conflict: history and modernity]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo*, 4, 332–337. doi:10.17308/vsu.proc.law.2020.4/318
- Kailua, R. (2007). *Igry i lyudi: stat'i i èssè po sotsiologii kultury* [Games and men: articles and essays on the sociology of culture]. Moscow: OGI.
- Khokonov, M.A., Soblirova, Z.Kh., & Zhurtova, A.A. (2017). Agonalnost' kak universal salij sotsiokulturnykh sistem (kulturfilosofskij analiz) [Agonality as a universal of

- sociocultural systems (cultural and philosophical analysis)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obozrenie sovremennoj nauki*, 195(3), 19–27.
- Kolesova, L.A. (2022). *Agonal'nye vremena* [Agonal times]. Retrieved from <https://spkurdyumov.ru/networks/agonalnye-vremena/> (date of access: April 23, 2022).
- Leont'ev, D.A., & Fedorovich, E.Ju. (2019). *Mif ob instinkte* [The myth of instinct]. *Chelovek*, 30(4), 53–71. doi: 10.31857/S023620070005904-1
- Levit, S.Ja. (Ed.). (1998). *Kulturologija. XX vek. Entsiklopedija*. In 2 vol. Vol. 2 [Cultural studies. 20th century. Encyclopedia. Vol. 2]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga; Aletejya.
- Liddell, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S. (1996). A Greek-English Lexicon (9th ed. with a revised supplement). Oxford: Clarendon Press.
- Platon. (1990). Gorgij [Gorgias]. In A.F. Losev, V.F. Asmus & A.A. Takho-Godi (Eds.), *Sobranie sochinenij v 4 t. T. 1* (pp. 477–574). Moscow: Mysl'.
- Platon. (1936). Teetet [Theaetetus]. Moscow, Leningrad: Sotsehgiz.
- Pletnikov, V.V. (2017). Agonal'nost' kak tip sostyazatel'nosti: kharakteristika i sushchnostnye cherty [Agonality as a type of competitiveness: characteristics and essential features]. *Sotsium i vlast'*, 66(4), 114–121.
- Razinov, Ju.A., & Kechaev, D.A. (2021). Igra i trud: problema granitsy i perekhoda [Game and labor: the problem of the border and transition]. *Mixtura verborum 2021: granitsy chelovecheskogo i sovremennosti*, 20–45.
- Rekutina, N.V. (2014). Iстория олимпийского спорта: агонистика в эпоху эллинизма [Olympic sport: agonistics in the era of Hellenism]. *Nauka i sport: sovremennoye tendentsii*, 2(1), 77–90.
- Romashko, S.A. (2006). Smertelnye igry: agon i agonija [Deadly games: agon and agony]. In Arutyunova N.D. (Ed.), *Logicheskij analiz jazyka: Kontseptualnye polya igry*, 86–97. Moscow: Indrik.
- Schopenhauer, A. (1900). *Eristika, ili Iskusstvo pobezhdat' v sporah* [Eristics, or The Art of Winning Controversies]. Saint Petersburg: F.I. Mityurnikov.
- Shejgal, E.I., & Deshevova, V.V. (2009). Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya [Agonality in communication: structure of the concept]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 34(172), 145–148.
- Sidorenko, A.V. (2015). Realizatsiya agonal'nosti v sovremennom angloyazychnom delovom diskurse [Implementation of agonality in modern English business discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 1(3), 150–157.
- Sidorenko, A.V. (2020). Sposoby reprezentatsii sopernichestva v sovremenном angloyazychnom delovom diskurse [Ways of representing rivalry in modern English business discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 1, 75–81. doi:10.29025/2079-6021-2020-1-75-81
- Solovyova, E.V. (2020). *Agonal'nost' v akademicheskom diskurse* [Agonality in academic discourse]. (Abstract of the candidate dissertation). Voronezh State University, Voronezh, Russia.
- Tamrazova, I.G. (2021). *Éristika kak kognitivno-semioticheskaya model' deviantoj diskursivnoj ritoriki* [Eristics as a cognitive-semiotic model of deviant discursive rhetoric]. (Abstract of the doctoral dissertation). Polytechnic University, Moscow, Russia.

- Vasil'kova, N.N. (2018). Realizatsiya agonal'nykh strategij v publichnykh sporah politicheskogo diskursa [Implementation of agonistic strategies in public political discourse]. *Mediascope*, 1. doi: 10.30547/mediascope.1.2018.3. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/2413>
- Volkov, V.V. (2017). Lingvokul'turnyj kontsept "Vojna": semanticheskoe yadro, aspekty germenevтиcheskogo issledovaniya [Linguocultural concept "War": semantic core, aspects of hermeneutic research]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 1, 103–113.
- Yarovoij, A.V. (2012). *Sotsiokulturnye proektsii agonal'nosti* [Sociocultural projections of agonality] (Abstract of the doctoral dissertation). Yuzhnyj federal'nyj universitet, Rostov-on-Don, Russia.
- Zajcev, A.I. (2000). *Kulturnyj perevorot v Drevnej Gretsii VIII–V vv. do n.e.* [Cultural revolution in Ancient Greece VIII–V centuries BC]. Saint Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU.

Об авторе

Ананьева Елена Петровна – аспирант, тьютор Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва, epananeva@mail.ru

About the author

Ananueva Elena Petrovna – Postgraduate Student, Tutor at the School of Foreign Languages, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University), Russia, Moscow, epananeva@mail.ru